V 118
1298

Ф 118
1298.

На правахъ рукописи.

А. І. Терменъ.

ВОСПОМИНАНІЯ АДМИНИСТРАТОРА.

Опытъ изслѣдованія принциповъ управленія инородцевъ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Л. Саперъ, Владимирскій пр., д. № 7. Тел.: 83-16 и 456-57.
1914.

2007041731

Ф 118
1298.

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ
XIV-38039
И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕИ

По поводу управленія инородцами.

Воспоминанія администратора.

Проявившееся за послѣднее время стремленіе упорядочить администрацію и бытъ инородцевъ окраинъ Россійской Имперіи побуждаетъ меня изложить то, къ чему меня привели опытъ и изученія въ этой области. Восточная пословица говоритъ: „Подарокъ факира — фиговый листокъ, но это все, что онъ имѣетъ“. Такъ и я хочу подѣлиться тѣмъ малымъ, что имѣю. Можетъ быть этотъ слабый опытъ поможетъ нѣсколько яснѣе выяснить вопросъ, который, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не въ достаточной степени изучался, или вѣрнѣе, къ которому недостаточно примѣнялись выводы изслѣдованій въ областяхъ біологіи, соціологіи, психологіи и этнографіи. А между тѣмъ всѣ эти науки, тѣсно связанныя между собою, имѣютъ непосредственную связь съ администраціей. Игнорированіе этихъ наукъ въ области администраціи приводитъ къ ряду ошибокъ, которыя исправляетъ жизнь, разрѣшая вопросы простыми естественными послѣдствіями этихъ ошибокъ.

Естественными послѣдствіями цѣлаго ряда административныхъ ошибокъ и объясняется, такимъ образомъ, вымираніе самоѣдовъ и ихъ стадъ, вѣчные безпорядки на Кавказѣ, обнищаніе инородцевъ Сибири, андижанское возстаніе, поднятое минтюбинскимъ ишаномъ, и полный упадокъ нѣкогда несравненно болѣе заселеннаго и цвѣтущаго Камчатскаго края. Поэтому, всѣми помыслами сочувствуя новому теченію въ области администраціи, я настоящей запиской хочу изложить результаты моихъ работъ по нѣкоторымъ вопросамъ, по которымъ сама жизнь и мой административный опытъ мнѣ дали нѣкоторыя цѣнныя указанія.

Приступая къ разсмотрѣнію вопроса объ управленіи инородцами, нужно прежде всего выяснить себѣ понятіе: „администраторъ надъ инородцами“ и обязанности, какія это наименованіе накладываетъ на носящаго его. Надо признаться, что, къ сожалѣнію, слишкомъ многіе изъ носящихъ его склонны въ немъ видѣть синонимъ слова „властитель“ и, становясь администраторами, лишь хотятъ властвовать. Поэтому, во избѣжаніе смѣшенія этихъ двухъ понятій, я постараюсь выяснить, что собственно я подразумѣваю подъ словомъ „администраторъ“ и какія, по моему мнѣнію. обязанности налагаетъ роль администратора.

Администраторъ есть представитель правительства и, какъ таковой, долженъ ввѣренное ему населеніе вести по пути прогресса, а потому администраторъ есть воспи-

татель въ высшемъ значеніи этого слова. Изъ этого слѣдуетъ, что точка отправленія его дѣятельности будетъ: знакомство съ инородцемъ и его бытомъ; дальнѣйшій путь его будетъ постоянное изученіе измѣняющагося подвѣдомственнаго ему матеріала, въ которомъ онъ долженъ вызвать къ жизни и дѣятельности всѣ потенціальныя силы, пользуясь для этого всѣми данными науки и высшей культуры, представителемъ которыхъ для инородцевъ является онъ. Конечная цѣль такого администратора-воспитателя будетъ: выработать изъ ввѣреннаго ему матеріала надежно-слитую съ кореннымъ элементомъ имперіи культурную единицу, которая, согласно принципу взаимопомощи, всѣми развившимися ея силами содѣйствовала-бы общему росту и развитію Имперіи.

Слѣдовательно:

а) Администраторъ всегда долженъ помнить, что онъ есть воспитатель и что поэтому онъ долженъ изучать ввѣренный ему народъ въ его прошломъ, постоянно изучать его мѣняющееся настоящее и снизойти до его понятій, ибо легче человѣку развитому снизойти до уровня пониманія дикаря, чѣмъ дикарю подняться до понятій человѣка развитого, такъ какъ этотъ послѣдній въ унаслѣдованномъ родовомъ опытѣ прошелъ уже стадію дикаря, а дикарь въ наслѣдство получилъ лишь опытъ предшествующихъ стадій развитія.

б) Администраторъ, имѣя въ виду конечную цѣль долженъ вести ввѣренный ему народъ, придерживаясь естественной эволюціи, не дѣлая скачковъ, но нѣсколько ускоренно, вводя въ развитіе инородцевъ результаты трудовъ своего народа. Для того, чтобы постоянно быть на высотѣ призванія, администраторъ долженъ, не теряя изъ виду конечную цѣль, постоянно имѣть передъ глазами народный идеалъ ввѣренныхъ ему инородцевъ, никогда не попирать его, указывать на него инородцамъ; въ глазахъ инородцевъ стараться быть лучшимъ между ними, цѣнить и поощрять проявленія стремленій къ добру.

Приведу примѣръ, хотя и не совсѣмъ подходящій, такъ какъ въ Маньчжуріи не было собственно „русской администраціи“.

Въ бытность мою полиціймейстеромъ въ Мукденѣ, проѣзжая по одной изъ улицъ, я замѣтилъ, какъ стоявшій у одной изъ лавокъ полицейскій, быстро перейдя улицу взялъ подъ руку какого-то старика, желавшаго перейти на другую сторону, и осторожно его перевелъ черезъ улицу. Старикъ былъ одѣтъ въ рубища, ни слова не говорилъ съ полицейскимъ и пошелъ потихоньку дальше. По всему было видно, что старикъ совсѣмъ не былъ знакомъ полицейскому. Я освѣдомился объ имени полицейскаго и, вернувшись домой, отправилъ въ китайскую полицію рубль для передачи ему, причемъ написалъ начальнику полиціи, что не могу не отмѣтить отраднаго факта „уваженія къ старику“ и того, что полицейскій такъ хорошо помнитъ свои обязанности къ старшимъ (4-я изъ 5-ти основныхъ обязанностей китайца). Впослѣдствіи я могъ убѣдиться, что это произвело хорошее впечатлѣніе на полицейскихъ и даже жителей этой улицы, такъ какъ въ этомъ участкѣ полицейскіе какъ то особенно старательно отдавали мнѣ честь, а жители кланялись, что на другихъ улицахъ бывало рѣдко.

Фактъ этотъ, самъ по себѣ незначущій, имѣлъ тѣмъ не менѣе въ глазахъ китайцевъ большое воспитательное значеніе.

Я убѣжденъ, что одобреніе подобныхъ проявленій народной души на всякаго инородца подѣйствовало бы благопріятно; при такихъ обстоятельствахъ становишься близкимъ тому, кому сочувствуешь.

Если, такимъ образомъ, ставъ ближнимъ инородцевъ, показать, что понимаешь ихъ, что самъ какъ и лучшіе изъ нихъ, стараешься провести ихъ идеалы, то внѣ всякаго сомнѣнія симпатія инородца будетъ на сторонѣ администратора.

Если теперь разсмотрѣть на чемъ основана этика инородца, то мы увидимъ, что основаніемъ этики является патріархальный бытъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что прототипомъ личности начальника надъ инородцами является глава семьи, глава племени. Администраторъ, поэтому, съ самаго начала своей дѣятельности долженъ показать ввѣренному ему народу, что онъ солидаренъ съ нимъ на почвѣ самыхъ древнихъ унаслѣдованныхъ отношеній—устоевъ патріархальнаго быта. Этимъ онъ сразу пріобрѣтетъ довѣріе инородцевъ, такъ какъ инородецъ безъ всякаго усилія мысли почувствуетъ, что начальникъ его понимаетъ и что онъ понимаетъ начальника. Между нимъ и начальникомъ установится унаслѣдованная родовая связь и начальникъ отнынѣ имѣетъ возможность между инородцами занять мѣсто достойнѣйшаго, „старшаго въ родѣ“, чѣмъ онъ и долженъ быть.

Разъ начальникъ въ душѣ инородца занялъ подобающее мѣсто, инородецъ будетъ слушаться и его совѣтовъ и его приказаній. Вотъ тутъ то и открывается передъ администраторомъ вся ширина поля его дѣятельности. Онъ знаетъ народъ въ его прошломъ, изучаетъ его въ настоящемъ, знакомъ съ его обстановкой и дѣятельностью, видитъ его добродѣтели и пороки, способности и недостатки — теперь, какъ воспитатель, онъ долженъ имѣя передъ глазами конечную цѣль, взвѣсить, что изъ имѣющагося нужно подавить, что измѣнить, что развить. Ему предстоитъ также выбрать пути, по которымъ онъ пойдетъ къ намѣченной цѣли. Выборъ этихъ путей къ частности всецѣло зависитъ отъ народа, къ которому администраторъ-воспитатель приставленъ.

Чѣмъ выше стоитъ народъ, тѣмъ меньше, конечно, придется администратору останавливаться на первоначальныхъ отношеніяхъ, но не слѣдуетъ забывать, что эти первоначальныя отношенія всегда близки каждому человѣку и всегда найдутъ въ немъ отзвукъ. По этому поводу мнѣ вспоминается одно изъ предписаній Петроградскаго градоначальника, данное лѣтъ 20 — 25 тому назадъ, оно заключалось въ томъ, чтобы полицейскіе на улицѣ и въ садахъ также слѣдили за обращеніемъ съ дѣтьми нянекъ и т. д. Мнѣ живо помнится съ какимъ чувствомъ удовольствія вѣсть эта передавалась даже лицами не имѣвшими дѣтей. Мѣра эта какъ будто сближала чиновъ полиціи съ публикой. Почему же такая въ сущности простая мѣра нашла такой отзвукъ даже въ петроградской публикѣ. Причину этого отзвука понять легко. Это инстинктивное воспоминаніе родственныхъ отношеній патріархальнаго быта. забота начальника о сохраненіи потомства своего племени. И подобная забота о дѣтяхъ всегда сближаетъ людей, каково бы ни было различіе ихъ соціальнаго положенія, ибо она даетъ имъ чувствовать ихъ родовую связь, и чувство это за древностью превратилось въ инстинктъ.

Приведу нѣсколько примѣровъ изъ моей административной практики въ Туркестанѣ.

Когда въ 1898 году вспыхнуло въ Ферганѣ Андижанское возстаніе, вызванное Минтюбинскимъ ишаномъ, то администрація Туркестанскаго края захотѣла озаботиться о неповтореніи подобныхъ движеній въ будущемъ и, такъ какъ она смотрѣла не въ корень вещей, то и рѣшила лишь нѣсколько увеличить количество административныхъ лицъ, не задумываясь однако надъ тѣмъ, что не слѣдуетъ ли измѣнить составъ администраціи или по крайней мѣрѣ выработать административный цѣлесообразный режимъ?

Митюбинскій ишанъ на судѣ сказалъ, что онъ поднялъ возстаніе потому, что русскіе развращаютъ народъ, что подъ владычествомъ русскихъ народъ забываетъ Бога, становятся ворами, развратниками, пьяницами, что семьи распадаются и что въ будущемъ введеніе русскаго закона грозитъ полнымъ разваломъ всего мусульманскаго общества. Несмотря на то, что подобное заявленіе должно было бы обратить на себя вниманіе мѣстной администраціи, администрація эта къ нему отнеслась лишь по буквѣ узаконенныхъ положеній и т. д. судила, подавила возстаніе и вопросъ объ управленіи туземцами остался въ той самоувѣренной стадіи наивности, когда кажется, что нельзя выдумать лучше чѣмъ то, что уже написано.

А между тѣмъ Минтюбинскій ишанъ сказалъ сущую правду, его устами говорили лучшіе люди и хотя пути, которыми онъ пріобрѣлъ свое вліяніе на народъ зачастую походили на шарлатанство, тѣмъ не менѣе народная душа сознавала правоту его словъ и присутствовавшіе на судѣ представители той же русской администраціи вынуждены были,—опустивъ глаза подъ маской возмущеннаго властелина—внутренно прошептать: „Да, онъ правъ".

Не буду входить въ подробный разборъ словъ, сказанныхъ Минтюбинскимъ ишаномъ, скажу только, что, раздѣливъ невольный вздохъ представителей русской власти въ Туркестанскомъ краѣ, я задался вопросомъ: гдѣ корень зла? Подготовленный нѣсколько къ дѣятельности администратора на Востокѣ, изучивши насколько могъ народы Азіи и въ частности Исламъ, задача эта мнѣ представилась не столь трудно разрѣшимой, какъ это, обыкновенно, полагаютъ. Я рѣшилъ испробовать свои силы на этомъ поприщѣ и просилъ военнаго губернатора С..... области предоставить мнѣ мѣсто участковаго пристава во вновь устроенномъ Ч..... участкѣ, въ который вошли 9 волостей съ населеніемъ около 50,000.

Прежде чѣмъ отправиться „властвовать", я себѣ намѣтилъ то, „что я хочу сдѣлать" я выработалъ слѣдующую предварительную программу:

1) Показать, что администрація не чужда интересовъ и идеаловъ населенія.

2) Что администрація справедлива, и караетъ, что съ точки зрѣнія этики ислама караемо.

3) Изъ этики Ислама указывать и напирать на то, что тождественно съ христіанствомъ, чѣмъ вести народъ по пути примиренія съ христіанствомъ.

4) Подобравъ извѣстныя изрѣченія изъ Корана, стараться требованія правительства основывать насколько окажется возможнымъ, на требованіяхъ Корана или Шаріата, чѣмъ дать почувствовать народу, что хотя онъ и не имѣетъ туземныхъ управителей, тѣмъ не менѣе управители его знаютъ его законъ и дорожатъ тѣмъ, чтобы жители были хорошими людьми по своему закону.

Въ виду того, что при назначеніи на административныя должности высшая администрація никакой директивы не даетъ, а говоритъ лишь: „Руководитесь руководствами и уставами", то я и не зналъ, что по тогдашнему взгляду администраціи въ краѣ нужно было „игнорировать" шаріатъ и обходиться лишь нашими законоположеніями, чтобы туземцы „сами по себѣ" отвыкли отъ шаріата и тоже „сами по себѣ всецѣло бы приняли нашъ „законъ".

Видимо было разсчитано на какую то работу, которая должна была сдѣлаться „сама собой", но какимъ путемъ эту работу вызвать, яснаго отчета себѣ въ томъ не давали.

Прибывъ въ свой участокъ, я созвалъ волостныхъ и сельскихъ старшинъ, судей и представителей населенія, и послѣ обычныхъ въ такихъ случаяхъ разговоровъ, я

ихъ просилъ строго слѣдить за тѣмъ, чтобы населеніе жило по своему закону, чтобы помнили Бога, чтобы дѣти уважали и слушали родителей, младшіе уважали старшихъ, а старшіе учили младшихъ добру". Эти мои требованія удивили и отчасти, можетъ быть, и порадовали нѣкоторыхъ, но, въ общемъ, всѣ вѣроятно къ этому отнеслись скептически, зная по опыту, что требованія русской администраціи съ этимъ не вяжутся. Тѣмъ и закончилось наше первое свиданіе.

Черезъ нѣкоторое время мнѣ пришлось убѣдиться, что къ русскому закону туземцы прибѣгаютъ, когда хотятъ избѣгнуть кары своего закона, или учинить какую либо подлость, нарушающую этику Ислама. Впослѣдствіе я неоднократно въ этомъ убѣждался.

Дѣло обстояло такъ:

Ко мнѣ приходитъ дервишъ, свободно говорящій по русски и приводитъ ко мнѣ молодого сарта 18 лѣтъ, упитаннаго и цвѣтущаго. Дервишъ мнѣ говоритъ, что пришелъ ко мнѣ жаловаться на отца мальчика, который сына истязаетъ, не пускаетъ его къ родной матери, съ которой развелся и которая въ данный моментъ состоитъ уже женой самаго дервиша; и что, видимо, отецъ хочетъ убить сына; поэтому то дервишъ прибѣгаетъ ко мнѣ, какъ къ новому начальнику и проситъ принять этого юношу подъ защиту русскаго закона и посадить отца въ тюрьму.

Я приказываю дервишу придти завтра въ селеніе Ч....., гдѣ базарный день, куда вызываю также и отца юноши.

Между тѣмъ навожу у жителей, знающихъ отца и дервиша, справки и узнаю слѣдующее: Отецъ, зажиточный, уважаемый всѣми сартъ, развелся съ матерью юноши, поступившей въ публичный домъ въ С....., гдѣ она и провела 10 лѣтъ. Выйдя оттуда, она вышла замужъ за дервиша и совмѣстно они, при помощи сына, вздумали обкрадывать отца. Отецъ, замѣтивъ это запретилъ сыну, навѣщать мать и весьма вѣроятно, что и побилъ его за кражи. Результатомъ этого и явилась поступившая ко мнѣ жалоба.

На слѣдующій день въ Ч..... былъ базаръ, привлекающій жителей со всѣхъ окрестностей. По случаю начала хлопковаго сезона базаръ былъ особенно многолюднымъ. Для начальника былъ разбитъ шатеръ, а за длиннымъ столомъ сидѣли всѣ почетные посѣтители базара, казіи, волостные и сельскіе старшины. Какъ всегда въ такихъ случаяхъ народъ въ праздничныхъ костюмахъ толпою окружалъ ставку начальства.

Приходитъ жалобщикъ сынъ, дервишъ, его жена и отецъ.

Я спрашиваю сына. Онъ подтверждаетъ, что отецъ его истязаетъ и хочетъ убить. Гляжу на отца—на немъ лица нѣтъ: спрашиваю, что онъ можетъ сказать на обвиненіе сына? Онъ начинаетъ говорить, губы трясутся, онъ замолкаетъ и плачетъ.

Я обращаюсь къ сыну: „Достаточно мнѣ взглянуть въ глаза твоего отца, чтобы видѣть, что ты все врешь".

— „Это мнѣ не отецъ, а врагъ".

— „Ну, если онъ тебѣ больше не отецъ, то я буду твоимъ отцомъ".

Юноша кланяется: „Куллукъ таксыръ" (благодарю господинъ). Тогда я обращаюсь ко всему ареопагу, засѣдающему за столомъ: „Вы всѣ здѣсь сидящіе, сами отцы, уважаемые, убѣленные сѣдинами, вы чувствуете истину, скажите, если отецъ этого мальчика билъ съ утра до ночи, не кормилъ, какъ онъ говоритъ, могъ бы этотъ юноша быть такимъ здоровымъ, краснощекимъ?"

Обращаюсь къ юношѣ: „Повернись, покажись всѣмъ".

Онъ поворачивается. И между судьями и изъ народа слышится: „Ялганъ, ялганъ!“ (вретъ).

Тогда я обращаюсь къ старѣйшему изъ судей: „Что полагается по шаріату сыну, который клевещетъ на отца, чтобы погубить его, и называетъ его врагомъ?“

Казій молчитъ (по шаріату за это полагается смертная казнь), затѣмъ говоритъ, очевидно не зная, какъ поступить: „Можно посадить подъ арестъ“.

— „Эта мѣра мнѣ не подходитъ“.

— „Можно дать 30 ударовъ рукой“.

Тогда я встаю: „За то, что этотъ юноша себѣ позволилъ клеветать на отца, я его приговариваю получить 30 ударовъ нагайки“. И тутъ же дѣлаю знакъ джигитамъ привести приговоръ въ исполненіе. Одинъ изъ джигитовъ беретъ его за руки черезъ свои плечи „по бухарски“, а другой начинаетъ ему отсчитывать удары по спинѣ.

Послѣ пятаго удара отецъ съ распростертыми руками прикрываетъ сына: „Бейте меня, не бейте его“!

Я тотчасъ прекращаю экзекуцію и обращаюсь ко всѣмъ: „Вы видѣли, что произошло... Скажите, еслибы отецъ былъ изувѣромъ, какимъ его рисовалъ сынъ, его бы каждый день билъ, да развѣ онъ бы сталъ за него заступаться теперь, когда онъ несетъ столь заслуженное наказаніе?“ и не ожидая отъ судей отвѣта, я сразу кричу сыну: „Въ ноги, проси прощенія у отца“! Тотъ моментально падаетъ въ ноги отцу и, плача, обхватываетъ его колѣни; растроганный отецъ, тоже плача, обнимаетъ сына, переводчикъ мой, отвернувшись закрылъ лицо руками, судьи проводятъ рукою по бородамъ, шепча: „Аллахъ Акбаръ“, многіе изъ нихъ утираютъ глаза, въ народѣ происходитъ тоже самое.

Давъ нѣкоторое время присутствующимъ успокоиться, я говорю сыну: „Помни, великій грѣхъ на душѣ того, кто не уважаетъ отца, тотъ забылъ Бога, а кто забылъ Бога, лучше тому не жить. Обѣщай, что отнынѣ ты будешь хорошимъ сыномъ“!

Онъ сознается, что кралъ у отца вещи, обѣщаетъ всегда помнить свой долгъ и уважать отца.

Часа черезъ полтора, покончивши съ другими дѣлами, я выхожу на улицу. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ ставки я замѣчаю стоящихъ въ толпѣ народа отца и рядомъ съ нимъ его сына. Сіяющій отецъ, что-то разсказываетъ внимательно слушающей его толпѣ.

Завидя меня и отецъ и сынъ улыбаются и кланяются. Я подхожу къ нимъ:

„Сегодня утромъ, гооврю я сыну, ты былъ дурнымъ сыномъ, и говорилъ, что у тебя нѣтъ отца, а есть врагъ—я сталъ твоимъ отцомъ и исправилъ тебя. Теперь же, когда ты исправился и обѣщаешь быть хорошимъ сыномъ, я тебѣ желаю всего лучшаго и, какъ обрадованный отецъ, обнимаю тебя“.

И я его обнялъ.

Приблизившійся почти въ плотную народъ, схватившись за бороды, почти въ одинъ голосъ воскликнулъ „Аллаху Акбаръ, ты намъ возвращаешь дѣтей“!

Тогда я обратился къ народу: „Помните, что вы здѣсь видѣли и передайте всѣмъ, что если я услышу, что дѣти не уважаютъ отцовъ, а младшіе старшихъ, то я еще гораздо строже буду наказывать“.

Тотъ, кто знаетъ, какое значеніе имѣютъ на востокѣ базары, при впечатлительности и жаждѣ новостей населенія, тотъ пойметъ, какъ передавалось и коментировалось извѣстіе объ этомъ „судѣ подъ базарнымъ карагачемъ“, явившимся полною не-

ожиданностью для населенія, не избалованнаго начальствомъ, заботящемся о проведеніи „этики ислама“ и правилъ шаріата, отъ котораго народъ долженъ „самъ по себѣ“ отвыкать, но отъ котораго онъ отвыкать никакого желанія не имѣетъ, такъ какъ то, что ему предлагаютъ взамѣнъ, для него не имѣетъ одинаковой цѣны.

Но, повидимому, народъ началъ уже мнѣ довѣрять.

Показать, такимъ образомъ, населенію согласно 1-му пункту моей программы, что администрація не чужда интересовъ и идеаловъ народа, мнѣ удалось сравнительно легко и, разъ народъ уже сталъ чувствовать ко мнѣ расположеніе, слѣдовало лишь ждать дальнѣйшаго случая, который, благодаря только что описанному эпизоду, не замедлилъ представиться.

Черезъ нѣсколько времени ко мнѣ приходитъ человѣкъ пять туземцевъ съ жалобой на богатаго туземца „бая“, который обругалъ „законъ“. Когда арыкъ *) аксакалъ требовалъ отъ него уплаты арычной подати, тотъ, не желая ее выплачивать, послалъ и „аксакала и законъ къ черту“. Возмущенные этимъ жители пришли ко мнѣ искать управы, такъ какъ казіи (судьи) ихъ теперь безсильны. Передаю переговоры по этому поводу:

— „Эти люди на тебя жалуются, что ты обругалъ законъ, правда это“?

— „Я закона не ругалъ“.

Обращаюсь къ свидѣтелямъ:

— Сотворите намазъ, прежде чѣмъ свидѣтельствовать **).

Свидѣтели идутъ къ арыку, творятъ намазъ (омовеніе) и затѣмъ возвращаются.

— „Слыхали-ли вы, какъ этотъ человѣкъ ругалъ законъ“?

— „Онъ ругалъ законъ и мы всѣ это слыхали, но какъ онъ его ругалъ мы повторить не можемъ“.

— „Мнѣ не надо слышать какъ онъ законъ ругалъ, достаточно того, что онъ посмѣлъ его ругать“.

Я подхожу къ виновному:

— „Какой ты вѣры“?

— „Мусульманинъ“.

— „Если ты мусульманинъ, то прочитай „Фатиху“ (1-ую главу Корана, которую каждый мусульманинъ обязательно знаетъ)“.

Онъ читаетъ первую главу Корана. Я, придираюсь къ небольшой запинкѣ, останавливаю его:

— „Плохо читаешь, вотъ какъ надо, повторяй за мною“.

Я, оттѣняя каждый стихъ, читаю ему наизусть всю главу, а онъ повторяетъ за мной каждый стихъ.

---

*) Арыкъ, канава для орошенія въ Туркестанѣ.

**) Если мусульманинъ передъ показаніемъ на судѣ сотворитъ намазъ (омовеніе), то онъ всегда покажетъ правду, потому что онъ говоритъ передъ Богомъ. Принимать клятву ни одинъ мусульманинъ мало-мальски себя уважающій не станетъ потому, что это воспрещено закономъ и честный мусульманинъ скорѣе согласится проиграть на русскомъ судѣ дѣло, чѣмъ принять клятву. Клятву принимаютъ спеціалисты этого дѣла «касамъ-хоры», т. е. поѣдатели клятвъ. Мнѣ туземцы говорили, что такихъ касамъ-хоровъ можно сколько угодно найти на каждомъ базарѣ, они спеціально идутъ свидѣтельствовать за деньги въ русскихъ судахъ, такъ, что любой мошенникъ всегда имѣетъ возможность при помощи такихъ свидѣтелей касамъ-хоровъ, показывающихъ подъ присягой на русскомъ судѣ, выиграть дѣло даже явно ложное. Но печальнѣе всего то, что власти, зная объ этомъ, продолжаютъ приводить къ присягѣ, и отказывающійся отъ принятія присяги всегда проигрываетъ. Многія честнѣйшіе правдивые мусульмане пострадали отъ этого порядка.

— „Теперь скажи „Фараизы-Иманъ“ (Символъ вѣры)“.

Онъ не знаетъ, я повторяю маневръ.

— „Скажи „Доаи Ифтаръ“ (Молитва всепрощенія)“.

Онъ, молчитъ, я повторяю маневръ, медленно съ разстановкой. Свидѣтели переглядываются.

Одну за другой я его спрашиваю 12 разныхъ молитвъ, изъ которыхъ онъ кое-какъ зналъ лишь 3 *).

Окончивъ спросъ молитвъ, я подхожу къ нему ближе и, постепенно усиливая голосъ, какъ бы борясь съ своимъ гнѣвомъ:

— „И ты говоришь, что ты мусульманинъ, и позволяешь себѣ ругать свой законъ. Ты не мусульманинъ, ты собака“!

И окончательно распалясь, я ему наношу собственноручно ударъ и срываю чалму **).

— „Ты, собака, недостоинъ „салля“ носить. Связать его, кричу я джигитамъ, онъ въ Сибирь пойдетъ“!

Его вяжутъ и отводятъ въ сарай. Тутъ-же рядомъ стоящіе свидѣтели поблѣднѣли какъ полотно, а двое стариковъ, изъ нихъ, тряслись всѣмъ тѣломъ. „Идите домой и приходите завтра“, говорю я имъ сухо и коротко.

Они робко поворачиваются и идутъ, но пройдя шаговъ 10 снова поворачиваются и кланяются. Не знаю сколько разъ они такъ поворачивались и кланялись, но пока они не исчезли изъ виду, идя по большой дорогѣ до Челека, я долго видѣлъ ихъ постоянно оборачивающіяся и кланяющіяся фигуры.

Сорвать чалму, сказать мусульманину, что онъ не правовѣрный, а собака, такія оскорбленія не могутъ никому пройти безнаказанно,—а между тѣмъ оба эти оскорбленія нанесены начальникомъ, чиномъ русской власти, противъ которой лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ возсталъ Минтюбинскій ишанъ, и мусульмане не только не были возмущены, но, оказывается, что въ тотъ же вечеръ собрались въ мечети при вечернемъ намазѣ и вознесли за меня молитву, благодаря Бога, что имъ данъ начальникъ, который знаетъ ихъ законъ и защищаетъ его. Какой бы аргументъ имѣлъ Минтюбинскій ишанъ для возстанія противъ русской власти при подобномъ настроеніи населенія?

На другой день утромъ ко мнѣ является человѣкъ двадцать туземцевъ.

„Мы васъ пришли поблагодарить за то, что его такъ наказали, но мы просимъ васъ его на этотъ разъ въ Сибирь не ссылать, такъ какъ онъ сильно раскаивается, а у него еще много женъ, которыхъ придется содержать“.

„Вы, конечно, не за него просите, а вы заботитесь о его семьяхъ, которыя должны невинно страдать. Хорошо, если онъ исправился, то я посмотрю, что можно будетъ сдѣлать“.

Его приводятъ. Онъ приноситъ покаяніе, сознаваясь, что ругалъ законъ.

„Оскорбленіе, которое ты нанесъ мнѣ, какъ своему начальнику, своей недостойной руганью—я тебѣ прощаю. Но ты забылъ, что оскорбилъ слухъ присутствовавшихъ, какъ не подобаетъ дѣлать мусульманину — проси у нихъ прощеніе“.

---

*) Слѣдуетъ замѣтить, что большинство населенія очень невѣжественно насчетъ своей религіи, и очень немногіе знаютъ даже самое необходимое число своихъ молитвъ. Мнѣ встрѣчалось видѣть въ кишлакахъ даже совершенно безграмотныхъ муллъ, которыхъ я послѣ краткаго экзамена прогонялъ съ ихъ должностей.

**) Чалма есть ни что иное какъ саванъ.

Онъ всѣмъ кланяется въ ноги въ отвѣтъ слышится отъ всѣхъ: „Богъ проститъ“.

„Теперь ты примирился со мной и съ ними, но ты оскорбилъ Бога, и этого тебѣ никто простить не можетъ“.

Я беру „дарра“ *) и слегка ему прикладываю черезъ плечо три раза, онъ благодаритъ. Я передаю дарра туземцамъ: „Пусть каждый сдѣлаетъ то же самое“. Я — то ему приложилъ дарру для виду, но каждый изъ нихъ по очереди подходилъ и шепча“: Аллаху Акбаръ“, наносилъ ему три сильныхъ удара, затѣмъ отходилъ на свое мѣсто. Съ каждымъ ударомъ онъ кланялся и благодарилъ. Всѣ остальные хранили благоговѣйное молчаніе. Отъ прежняго зазнавшагося бая осталось одно воспоминаніе, онъ молча кланяется послѣ каждаго удара. По всему видно, что онъ потрясенъ до глубины души, онъ уничтоженъ передъ сильной, понятной и родственной ему властью. Когда послѣдній нанесъ ему свои три удара, я ему говорю:

— „Теперь, примиренный съ Богомъ и людьми, ступай и помни, что неуваженіе къ Богу никогда не пройдетъ безнаказаннымъ, а вы, обратился я къ остальнымъ, разскажите всѣмъ что видѣли, передайте, что начальство ваше знаетъ вашъ законъ лучше, чѣмъ вы, и что если вы сами не умѣете жить по вашему закону, то я васъ заставлю жить какъ истиннымъ мусульманамъ подобаетъ“.

Всѣ съ поклономъ вышли и я изъ окна могъ видѣть, какъ они нѣсколько разъ оборачивались и кланялись.

Разсмотримъ этотъ случай съ точки зрѣнія психологіи и этики ислама. Мы имѣемъ передъ собою зазнавшагося гордаго бая, который самъ мусульманинъ среди мусульманъ ругаетъ свой законъ... невольно вспоминаются слова повѣшеннаго ишана: „русскіе развращаютъ народъ, народъ забываетъ Бога“. Да, этотъ бай всецѣло продуктъ нашего управленія въ Туркестанѣ. Этотъ типъ породили мы, и вотъ какимъ путемъ: завоевавъ край искони вѣковъ мусульманскій, одинъ изъ центровъ высокаго разцвѣта ислама, мы себѣ представили, что онъ сразу, переродится, если мы скажемъ: теперь вы подданные русскаго царя, забудьте старое, живите по новому (такой взглядъ высказанъ былъ между прочимъ покойнымъ генераломъ Духовскимъ, когда по пріѣздѣ въ Туркестанъ онъ сказалъ, что завоеваніе военное кончено, что теперь видитъ, что край уже настолько обрусѣлъ, что можетъ управляться русскими законами, общими всей Имперіи). Первымъ долгомъ было отмѣнено сдерживающее начало мусульманскаго закона, шаріатъ потерялъ всю силу и народъ, оставшійся на той же ступени развитія, лишь почувствовалъ, что съ него сняты наказанія, что ему нечего бояться своего закона, такъ какъ онъ для него не обязателенъ, наказанія же, налагаемыя русскимъ закономъ, для него совершенно не являются наказаніями, и любой мусульманинъ вамъ всегда скажетъ, что „русскій законъ слабъ“ и что его никто не боится. Думая дать прогрессъ народу, мы лишь развязали руки преступникамъ, сдерживаемымъ до сихъ поръ суровыми наказаніями. Безнаказанность порождаетъ преступленія пропорціонально тому, насколько люди далеки отъ нравственнаго совершенства въ данномъ случаѣ.

Возьмемъ данный случай. Бай обругалъ шаріатъ. Съ точки зрѣнія русскаго закона это не преступленіе и если бы сарты стали жаловаться русскому мировому судьѣ,

---

*) Плеть, которой раисы (духовные цензоры востока) наказывали за преступленія противъ вѣры. Состоитъ она изъ сшитаго ремня шириною въ ладонь, толщиною въ $^1/_2$ пальца и длиною около $^3/_4$ арш. съ деревянною рукояткою. На русскомъ востокѣ должности раисовъ упразднены.

онъ бы имъ отвѣтилъ: это не мое дѣло, ступайте къ казію. На что бай можетъ сказать: я русскій подданный и желаю судиться лишь русскимъ закономъ. И вотъ вамъ мусульманинъ, который среди мусульманъ можетъ ругать свой законъ безнаказанно, тогда какъ во время повѣлителей мусульманъ его бы за это казнили, И такихъ случаевъ много и на каждомъ шагу. Ну, какъ тутъ не сказать, что русскіе развращаютъ народъ?

Дагбитскій казій мнѣ разъ задалъ вопросъ: „Почему русскіе такъ уважаютъ воровъ?

Я ему отвѣтилъ, что наоборотъ воровство преслѣдуется русскимъ закономъ, какъ и всякимъ другимъ.

Онъ недовѣрчиво улыбнулся: Вотъ видите-ли, сказалъ онъ, раньше во время хановъ. когда народъ жилъ и управлялся по шаріату, если попадался воръ, ему отрубали руку, во второй разъ ногу, въ третій — голову, и воровство прекратилось. Посмотрите въ Бухарѣ, тамъ и теперь воровства нѣтъ, потому что тамъ сильный законъ. У насъ же теперь такое воровство пошло, что каждый, кто раньше бы никогда не воровалъ, воромъ хочетъ сдѣлаться, потому что русскіе уважаютъ воровъ... и покровительствуютъ имъ. Прежде, если говоритъ весь кишлакъ судьѣ или хану, что, молъ, этотъ человѣкъ воръ, то этого человѣка сейчасъ же и убираютъ. Теперь же, если всѣ мы пойдемъ къ уѣздному начальнику или губернатору и скажемъ, что Ахметъ воръ, онъ скажетъ: нѣтъ — вотъ, когда онъ при свидѣтеляхъ украдетъ, тогда онъ будетъ воромъ. Ну скажите какой же воръ крадетъ при свидѣтеляхъ? лишь такой кому разрѣшено красть, который не долженъ стыдиться.

Наконецъ Ахметъ до того изнахальничался, что дѣйствительно среди дня сталъ красть.

Подаютъ на него жалобу прокурору и свидѣтели есть. Прокуроръ говоритъ, нѣтъ, онъ еще не воръ, я ему дамъ защитника и если у него самаго денегъ нѣтъ, такъ ему будетъ защитникъ отъ русскаго правительства... Ну, скажемъ, и защитникъ не помогъ, и самъ онъ сознался, — онъ еще можетъ жаловаться чтобы его еще разъ судили: можетъ быть и оправдаютъ.

Но и тутъ же не помогло: — его признали виновнымъ и онъ будетъ наказанъ по русскому закону. А въ чемъ это наказаніе? его сажаютъ въ тюрьму, тамъ свѣтло, полы подметаютъ, тепло, каждый день кормятъ, въ баню водятъ и работать не надо. Тамъ лучше чѣмъ дома, ну, теперь всѣ и бросили стыдъ и хотятъ ворами сдѣлаться. Нѣтъ, русскіе уважаютъ и боятся воровъ, потому имъ и угождаютъ: „русскій законъ слабъ“, закончилъ казій со вздохомъ.

Мнѣ вспоминается еще весьма характерный случай:

Приходятъ ко мнѣ осенью два старика и говорятъ:

— „Посади насъ въ тюрьму на зиму, дровъ у насъ нѣтъ, ѣсть почти нечего, до весны мы просидимъ въ тюрьмѣ, а потомъ выпусти насъ“.

— „Да вѣдь въ тюрьму сажаютъ лишь въ наказаніе за кражу“.

— „Мы не воры, чтобы красть“.

Постоявъ немного, они уходятъ.

Не прошло трехъ дней, какъ ихъ приводятъ со связанными на спинѣ руками. Масса свидѣтелей (подставныхъ конечно и вѣроятно друзей). Старики на базарѣ, якобы, стащили: одинъ халатъ другой, — полбарана. Свидѣтели и лавочники кричатъ, прося составить протоколъ.

И что же?

Буквоѣдъ взялъ верхъ надъ неподдававшимся мистификаціи администраторомъ. Свидѣтельскія показанія принимаются на вѣру, ставится номеръ, вписывается, записывается и — законъ исполненъ, порокъ наказанъ, они въ тюрьмѣ.

Вотъ до какой комедіи можно дойти, стоя на ложной почвѣ, и довольствуясь самообманомъ. И въ такое ложное и обидно-глупое положеніе всегда поставленъ администраторъ, когда ему, вмѣсто того, чтобы быть дѣйствительно воспитателемъ своего народа, приходится примѣнять лишь совершенно неподходящіе законы и дѣлать видъ, что они вполнѣ цѣлесообразны и справедливы.

Единственная справедливость, признаваемая всякими народами, находящимися на ступени патріархальности и не введшими въ свой кодэксъ выводовъ психологіи, физіологіи и — реторики, это законъ возмездія: око за око. И чѣмъ рѣшительнѣй и неумолимѣе законъ этотъ будетъ дѣйствовать, тѣмъ онъ будетъ народу казаться болѣе сильнымъ и болѣе справедливымъ.

Всякія промедленія, проволочки, справки, уменьшенія вины, народу безусловно кажутся слабостями закона. Съ такимъ закономъ можно бороться и даже выходить изъ борьбы побѣдителемъ, будучи неправымъ. Для народа власть не власть, если она не рѣшительная и не быстрая, и въ отношеніи инородцевъ это въ особенности замѣтно. Начальникъ въ глазахъ инородцевъ долженъ быть носителемъ власти, а не письмоводителемъ ея. И прежде, чѣмъ патріархальный народъ сможетъ понять формулу „Tout savoir c'est tout pardonner“, пройдутъ вѣка. Дайте, теперь, народу, привыкшему къ закону строгаго возмездія, такую формулу всепрощенія и можно навѣрняка сказать, что онъ сразу станетъ народомъ преступнымъ и безнравственнымъ.

Вотъ причина того, что туземцы Туркестана падаютъ нравственно. Неумолимо сдерживающее начало законъ возмездія Корана упразднено, а нашъ законъ, выработанный на совершенно другихъ основаніяхъ, естественно, не можетъ его замѣнить.

Быть подчиненнымъ русскому закону можетъ лишь лицо, получившее образованіе въ Россіи, или въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ и работающее въ русской средѣ. Туземецъ-же, знающій Россію лишь по имени, долженъ управляться законами. Подъ сѣнью которыхъ сложился его складъ, его нравъ взгляды и его привычки. И прежде, чѣмъ измѣнить его законъ, надо измѣнить его бытъ. Слѣдствіе не можетъ стать причиной. Выпустите сразу паръ изъ котла и вы получите взрывъ, потому что при имѣющейся температурѣ воды она остается спокойною, лишь, пока на нее дѣйствуетъ сдерживающая ее упругость паровъ. Выпуская паръ постепенно, вода успѣваетъ измѣнить свои условія и въ новыхъ условіяхъ сохранить свой спокойный видъ, даже и безъ давленія паровъ.

Кодэксъ, выработанный народомъ, является единственнымъ, которымъ народъ можетъ управляться при настоящемъ его культурномъ уровнѣ.

Первое, на что долженъ обратить вниманіе администраторъ, это положеніе главы семьи. Заботы эти всегда найдутъ отзвукъ въ сердцахъ инородцевъ и всегда они ихъ оцѣнятъ. Если администраторъ обойдетъ этотъ вопросъ, то съ самаго начала явится между нимъ и народомъ что-то недосказанное. Обходить его нельзя, и администраторъ, начиная съ него, сразу себя ставитъ на родственную ногу въ отношеніи наидревнѣйшихъ обязанностей.

Начавъ съ главы семьи, надо распространить свои заботы на его дѣтей. Высказанныя безъ подготовки почвы заботы о женахъ, какъ о таковыхъ, всегда покажутся

нѣкоторымъ вторженіемъ на права инородца, какъ главы семьи. Жена является собственностью, необходимою для продленія рода, и, какъ собственность, зависитъ лишь отъ заботы главы семьи. Заботясь-же о его потомствѣ и преимущественно о мужскомъ потомствѣ, вы идете путемъ естественной эволюціи, вы заботитесь о продленіи рода, что за сохраненіемъ индивидуума, является самой древней заботой природы. Затѣмъ уже попутно идутъ заботы о дочеряхъ и женахъ, какъ о производительницахъ. Что эти заботы о дѣтяхъ дѣйствительно сближаютъ людей, едва-ли требуетъ доказательствъ, и это каждый испыталъ на себѣ. Но есть нѣкоторые пріемы, которые мнѣ пришлось примѣнить въ Туркестанѣ.

Когда мнѣ, послѣ назначенія моего приставомъ, приходилось проѣзжать черезъ кишлаки моего участка, то на улицахъ происходило что-то невѣроятное: женщины и дѣти, какъ ящерицы, толкая другъ друга, спѣшили спрятаться и всѣ ворота моментально закрывались. Мнѣ это сильно не нравилось, но, несмотря на увѣщеванія, это не мѣнялось. Тогда я рѣшилъ начать примиреніе съ дѣтей. Для этой цѣли я съ собой всегда возилъ въ кабурахъ сѣдла, сахаръ и конфеты и, проѣзжая по кишлаку, я, замѣтивъ какого нибудь ребенка, бросалъ ему конфету или сахаръ, отъ котораго они сначала моментательно отскакивали. Мало по малу они стали ихъ подбирать, и тогда я всегда съ ними здоровался.

Понемногу они стали храбрѣе и не прошло и мѣсяца, какъ всѣ, завидя меня издали, ко мнѣ бѣжали, крича: Ассалямъ-алейкумъ! Совсѣмъ маленькихъ ко мнѣ стали выносить отцы, матери и дѣвочки подростки, твердя имъ: „Тюря якши“, чтобы они не боялись.

Однажды, проѣзжая по пустынному кишлаку, я вижу, стоитъ мальчикъ лѣтъ четырехъ на самой дорогѣ и протягиваетъ мнѣ яблоко. Ни на улицѣ, ни во дворѣ рядомъ никого не было видно, и это очевидно была его собственная мысль. Этотъ самостоятельный шагъ ребенка явился уже результатомъ моего пріема. Результатомъ явилось, черезъ нѣкоторое время и то, что туземцы, пріѣзжая ко мнѣ по своимъ дѣламъ, стали съ собою привозить своихъ дѣтей. Оказывается, что дѣти, узнавши о томъ, что отцы ѣдутъ ко мнѣ, просили ихъ взять съ собой, чтобы посмотрѣть на начальника.

Когда я посѣщалъ кишлаки, то всегда бывалъ въ ихъ школахъ и спрашивалъ дѣтей молитвы, хвалилъ прилежныхъ и бранилъ за лѣнь и не послушаніе.

Черезъ годъ моего прибыванія въ Ч..... ко мнѣ приходитъ отецъ и приводитъ своего сына: „Я привелъ сына къ вамъ какъ къ отцу, знаю, что вы изъ него можете сдѣлать человѣка и хорошаго мусульманина, возьмите его на воспитаніе“. Я ему предложилъ помѣстить сына въ русско-туземную школу, но отецъ отказался, говоря: „Нѣтъ тамъ онъ, испортится, это не то, что у васъ“.

Впослѣдствіе еще двое туземцевъ приходили ко мнѣ съ подобными же предложеніями и съ такими же отвѣтами.

Невольно поэтому представляется рѣшеніе вопроса такимъ образомъ: забота о потомствѣ должна высказываться обученіемъ подрастающаго поколѣнія. Въ прежнее время давали, зачастую, дѣтей на воспитаніе лучшимъ людямъ, впослѣдствіи ихъ замѣнили учителя. Лучшимъ т. е. тѣмъ, авторитетъ и нравственный обликъ которыхъ соотвѣтствовали болѣе или менѣе идеаламъ даннаго племени.

Не служитъ ли, поэтому, вышеприведенный фактъ, до извѣстной степени, доказательствомъ того, что „народъ довѣряетъ начальнику“, а отказъ помѣстить въ

русско-туземную школу не показываетъ ли онъ, что „тому начальнику народъ не довѣряетъ?

Если бы, такимъ образомъ у начальника, которому народъ довѣряетъ, была возможность воспитывать дѣтей, которыхъ ему приводятъ, то за единицами послѣдовали бы десятки и сотни приводимыхъ дѣтей и народъ „естественнымъ путемъ бы шелъ на сліяніе съ кореннымъ населеніемъ, которое ему дало учителя. Мысль эта стара, іезуиты на томъ основали всю систему своей власти и недавно еще говорили въ Германіи, что войну 1870—71 годовъ выигралъ „народный учитель“.

Идя по этимъ же стопамъ, Японія своей развитой школьной системой широко пользуется этимъ пріемомъ, чтобы воспитать новыя поколѣнія въ духѣ, желаемомъ для правительства, и нѣтъ ни одной новой колоніи японцевъ, будь то въ Чили, Мехикѣ, долинѣ Миссисипи или Сахалинѣ, гдѣ одновременно съ колоніей не появлялась бы школа, являющаяся залогомъ будущихъ побѣдъ.

Касаясь программы школъ, слѣдуетъ сказать, что только та школа можетъ сдѣлаться популярной и дать хорошіе результаты, которая будетъ: основываясь на выработанномъ народномъ опытѣ, вести его дальше по пути совершенствованія на поприщѣ использованія той среды и обстановки, въ которыя поставила инородца природа, т. е. слѣдуя естественной эволюціи дѣятельности, напримѣръ, промысловъ, ремеслъ и науки до нихъ касающейся. Такой школѣ народъ всегда будетъ довѣрять.

Часто бываетъ, что когда кто-либо въ разговорѣ точно формулируетъ какую-нибудь мысль или выводъ, моментально на это реагируешь и съ языка невольно срывается: „Вотъ, вотъ это самое, я только что объ этомъ думалъ, но не зналъ какъ именно высказать“.

Это встрѣчается часто, по преимуществу въ разговорахъ, касающихся вопросовъ серьезныхъ, такъ какъ въ разговорахъ обыденныхъ, „банальныхъ“ подобнаго затрудненія въ силу слишкомъ большой практики, встрѣтиться не можетъ.

Разберемся въ этомъ фактѣ: „Мысль эта была въ моемъ мозгу, витала гдѣ то далеко, неясно сознаваемая, но чувствуемая, неясно высказанная, но признаваемая правильной. Что же это? Это эволюція мысли общей всему племени, всему народу, мысли, которыя въ однихъ, больше надъ нею работавшихъ, совершивши свой оборотъ уже вылилась въ опредѣленную форму, тогда какъ въ другихъ, занятыхъ другими вопросами, она еще не приняла окончательной формы, но, двигаясь по тому же пути, она гдѣ то вдали вырисовывается на фонѣ мышленія болѣе или менѣе ясными контурами. Она неясно сознается, витаетъ гдѣ то далеко еще, пока неуловимая, но, по направленію, принятомъ ею, признается правильной. Вотъ почему она при точной формулировкѣ другимъ лицомъ быстро съ нею соединяется—какъ двѣ капли воды, на близкомъ разстояніи, быстро сливается силою притяженія.

Подобнымъ же образомъ инородецъ будетъ мысленно восклицать: „Вотъ, вотъ это-то самое, я только не умѣлъ это устроить, вотъ то, что мнѣ нужно!“ И по пути такого прогресса можетъ его вести начальникъ родовымъ опытомъ своимъ прошедшій уже всѣ инстанціи мышленія дикаря, и обогащенный опытами своей далеко впередъ шагнувшей расы. Такой начальникъ съумѣетъ въ инородцѣ вызвать то, что еще лишь туманнымъ контуромъ витаетъ гдѣ-то въ дали, въ глубинѣ мышленія его, что инородецъ уже предвкушаетъ и признаетъ правильнымъ, но, до котораго, будь онъ предоставленъ самому себѣ, ему еще пришлось бы добираться вѣками.

Это и есть тотъ сокращенный путь опыта путемъ науки которымъ администра-

торъ-воспитатель долженъ вести своихъ политическихъ воспитанниковъ ускореннымъ темпомъ.

Забота о производителѣ и о его потомствѣ включаетъ также заботы о медицинской помощи. И надо признаться, что это больное мѣсто нашихъ окраинъ. Нѣтъ надобности перечислять всѣ бѣдствія, проистекающія отъ отсутствія этой помощи, я коснусь ея здѣсь лишь постолько, посколько необходимость помочь иногда является дѣломъ самого начальника и посколько это можетъ поддержать его авторитетъ. Каждый инородецъ склоненъ въ пришедшемъ, болѣе культурномъ человѣкѣ въ особенности, непремѣнно предполагать мудрость „знахаря“ и тутъ то начальникъ, если при немъ нѣтъ медицинскаго персонала, иногда попадаетъ въ затруднительное положеніе, изъ котораго онъ не всегда можетъ выйти, не уронивъ своего авторитета въ глазахъ инородцевъ.

Приведу нѣсколько примѣровъ изъ моей „медицинской практики въ Туркестанѣ“.

Однажды туземка, жена рабочаго приноситъ мнѣ своего сына, ребенка 11-ти мѣсяцевъ. Оказывается, что ребенокъ былъ привязанъ подъ карагачемъ, пока родители были на работѣ; вернувшись мать увидала, что ребенокъ какъ то сѣвъ на валявшійся острый сучекъ карагача прорвалъ себѣ мошенку насквозь такъ, что и съ одной и съ другой стороны изъ мошенки вышли гигморовы тѣльца (извилины сѣменнаго канатика), въ видѣ бѣлыхъ сплетающихся узелковъ. Съ одной стороны рана была длиной въ 2 сантиметра, съ другой въ $1^1/_2$. Весь ребенокъ былъ вымазанъ кровью, смѣшанной съ грязью.

Женщина съ плачемъ мнѣ говорила, что ребенокъ жить не будетъ. Я взялъ ваты, слабый растворъ карболовой кислоты 1—2 %, промылъ все насколько могъ, вложилъ обратно сѣмянной канатикъ, затѣмъ сдѣлалъ изъ холста мѣшечекъ вродѣ гнѣзда, выложенной ватой, который на 4 подтяжкахъ съ резиной притягивался къ лифчику, и велѣлъ черезъ каждые три часа приносить его для перевязки. Не прошло и десяти дней, какъ ранки совершенно затянулись и мать принося ребенка мнѣ, сказала: „Я думала что онъ умретъ, а ты его излечилъ, возьми его себѣ въ сыновья на воспитаніе“. Но я отъ этого отказался.

На другой разъ приходитъ ко мнѣ женщина съ грудницей. Нарывъ повидимому уже назрѣлъ и она страшно мучилась. За неимѣніемъ приспособленнаго для этого сосуда, я взялъ кастрюлю, наполовину наполнилъ ее золою и заварилъ золу кипяткомъ; затѣмъ когда вода немного остыла, я велѣлъ ей вложить туда грудь. Не прошло и 20 минутъ какъ нарывъ прорвался и весь гной вышелъ. Я промылъ рану, сдѣлалъ насколько съумѣлъ перевязку и черезъ нѣсколько дней женщина совсѣмъ поправилась.

Приходитъ ко мнѣ старикъ и показываетъ на бедрѣ застарѣлую загрязненную рану, величиною съ блюдечко. Не зная происхожденія раны, я тѣмъ не менѣе ее промылъ, обсыпалъ іодоформомъ и перевязалъ. Три дня старикъ не является. Я посылаю справиться о его здоровьи. Умеръ, говорятъ. Я разспрашиваю, какъ было дѣло и узнаю, что послѣ меня старикъ пошелъ къ какому-то знахарю и тотъ велѣлъ взять негашеной извести густо посыпать рану и крѣпко завязать. Такъ и сдѣлали. „Старикъ катался, катался, кричалъ, кричалъ и померъ“, просто передали мнѣ это односельчане.

Начался сезонъ охоты, а старые завзятые охотники сарты предпочитаютъ идти со своимъ старымъ саженнымъ самопаломъ на рогаткѣ, которымъ, между прочимъ, замѣчательно мѣтко стрѣляютъ.

Приходятъ два сарта и ведутъ третьяго съ завязанной головой. На охотѣ у ружья его оторвался казенникъ, который у этихъ ружей ввинчивается и въ сторону приклада оканчивается заостреннымъ концомъ. Этимъ заостреннымъ концемъ казенникъ пробилъ лобъ охотнику и засѣлъ тамъ, „вотъ уже 2 дня“ какъ сказали сарты.

Я имъ категорически заявилъ, что раненаго немедленно надо вести въ Самаркандъ въ госпиталь и мнѣ дать о немъ свѣдѣнія черезъ 2—3 дня.

Въ назначенный срокъ приходятъ: „Умеръ“ — говорятъ. Оказывается, что придя домой они собрали „Масляхатъ“ совѣтъ, какъ поступить съ больнымъ. Судили, рядили и рѣшили, что въ Самаркандъ вести далеко, а лучше его свести къ деревенскому кузнецу. „Кузнецъ попробовалъ пальцами — не идетъ. . . взялъ клещи — повернулъ и у Имамбая черепъ раскололся и онъ умеръ. Все равно и въ Самаркандѣ бы умеръ.

Но не всегда мѣстные пріемы такъ неудачно примѣняются.

Былъ невдалекѣ отъ сел. Ч . . . . . половинщикъ у одного богатаго сарта. Работая въ полѣ онъ какимъ то образомъ себѣ повредилъ китменемъ (туземная лопата) ногу, ударивши по ней. Долго болѣла нога, наконецъ боль прошла, а ногу стянуло въ колѣнѣ такъ, что и разогнуть не можетъ. Ждетъ мѣсяцъ, два, полгода, нога не поправляется и все на костылѣ ходитъ. Черезъ нѣсколько времени вдругъ Субханкулъ безъ костыля и ко мнѣ быстро подходитъ. „Ты какъ такъ скоро поправился! спрашиваю я.

И онъ сталъ разсказывать: „Вижу я, что ногу разогнуть не могу, а мнѣ безъ ноги что?.. помирать!.. работать все равно не могу. Позвалъ я сосѣда и говорю, ты, Каримка, отъ меня кромѣ хорошаго ничего не видалъ, окажи мнѣ службу: сѣлъ я подъ дерево; говорю — возьми вожжу, привяжи меня на — крѣпко къ дереву. . . привязалъ. . . Теперь возьми длинный арканъ (веревку) и привяжи одинъ конецъ вокругъ себя — привязалъ — а другой къ моей ногѣ. Теперь бѣги. Какъ побѣжалъ Каримка, у меня что то хрустнуло и „исмъ чикды (память ушла). Потомъ я проснулся, а Каримка уже домой пошелъ, да меня отвязалъ. А у меня нога прямая — вотъ я опять хожу“.

Перечислять всѣ случаи, представившіеся мнѣ за сравнительно короткое мое пребываніе среди инородцевъ не входитъ въ программу настоящей записки; я взялъ только самые характерные, показывающіе насколько населеніе довѣрчиво относится къ медицинѣ вообще и насколько поэтому администратору, имѣющему при себѣ медицинскій персоналъ, легко будетъ пріобрѣсти довѣріе инородцевъ на этой почвѣ, и насколько, слѣдовательно, это можетъ содѣйствовать сближенію инородцевъ съ администраціей. Тому, кто не жилъ среди инородцовъ невозможно себѣ представить къ какимъ, зачастую, нелѣпымъ пріемамъ прибѣгаютъ туземцы, вродѣ засыпки ранъ негашеной известью, трухой, выбираемой изъ гнилыхъ пней и т. д. Поэтому необходимо, чтобы при каждомъ администраторѣ всегда былъ медицинскій персоналъ и необходимыя лекарства, которыя бѣднымъ можно раздавать безплатно, но лучше, чтобы за нихъ хоть немного платили. Инородецъ больше дорожитъ лекарствомъ купленнымъ, чѣмъ даровымъ. Многолѣтняя практика докторовъ англійскихъ миссій между инородцами и даже во всемъ Китаѣ ихъ въ этомъ убѣдила и они никогда не даютъ туземцамъ лекарствъ даромъ, чтобы не обезцѣнивать ихъ.

Согласно 3-му пункту, поставленной себѣ передъ моимъ вступленіемъ въ обязанности пристава программы, мнѣ предстояло изъ этики Ислама указывать и напирать

на то, что тождественно съ христіанствомъ, чѣмъ и вести народъ по пути примиренія съ христіанствомъ.

Задавшись такою цѣлью, конечно, приходилось искать подходящаго случая тѣмъ болѣе, что пресловутый призракъ „газавата“ (священной войны) — болѣе тщательно поддерживаемой христіанской антагонистской литературой, чѣмъ мусульманской дѣйствительностью, — тогда усиленно виталъ въ воздухѣ, раздувая Андижанское возстаніе въ какое-то общемусульманское движеніе.

Случай надвигался самъ собой: наступало Рождество и я рѣшилъ его отпраздновать вмѣстѣ съ моими политическими воспитанниками.

Послалъ принести арчу (дерево вродѣ туи, растущее на горахъ), я въ С..... закупилъ пряниковъ, яблокъ, орѣховъ, свистулокъ, куколъ, лошадей, собакъ, похожихъ на львовъ, все это, конечно, „числомъ поболѣе, цѣною подешевле“, и украсивъ свою импровизованную елку приказалъ въ 6-ти часамъ вечера изъ всѣхъ окрестныхъ кишлаковъ привезти ко мнѣ дѣтей.

Къ назначенному часу подъѣхало къ моему дому множество арбъ, на которыхъ была „погружена“ дѣтвора малъ-мала меньше. Для сопровожденія ихъ, а больше изъ любопытства увязывались съ ними и парни и старики такъ, что „гостей“ понаѣхало человѣкъ шестьдесятъ, а то и больше.

Размѣстивши ихъ кое-какъ вдоль стѣнъ и на полу, я приказалъ моему казаку поджечь зажигательную нитку.

Быстро забѣгалъ вокругъ елки огонекъ, оставляя за собою слѣдомъ, звѣздочками, зажженныя свѣчи, а наверху зардѣлась большая золотая звѣзда.

Смотрѣли молодые, смотрѣли и старики, и право трудно сказать, которыхъ изъ нихъ болѣе поразило невиданное зрѣлище.

Давъ нѣкоторое время имъ наглядѣться, я обратился къ присутствующимъ: „Сегодня мы, христіане, празднуемъ рождество Хазрета Айса, котораго вы должны почитать такъ, какъ про Іисуса въ Коранѣ сказано: Айса-рухул-лахъ, во кяли-мят-уль-ляхи, расуленъ-минху (Іисусъ есть духъ Божій и Его слово, посланное на землю). Айса-рух-уль-лахъ намъ далъ нашъ христіанскій законъ, по которому всѣ мы христіане должны жить, какъ и вы должны жить по закону, данному вамъ пророкомъ Магометомъ, Хазретъ Айса заповѣдывалъ намъ любить всѣхъ, дѣлать добро и въ особенности любить дѣтей. Поэтому, празднуя день его рожденія, когда онъ самъ еще былъ маленькимъ ребенкомъ, у насъ установился обычай дарить дѣтямъ игрушки и устраивать елку...

А теперь я вамъ разскажу про вашего Пророка. Когда Пророкъ дѣлалъ богоугодное дѣло, то одинъ изъ асхабовъ (спутниковъ) его спросилъ: „Кто можетъ похвалиться лучшимъ дѣломъ чѣмъ то, которое ты теперь дѣлаешь?“ — „Отецъ, отвѣтилъ Пророкъ, который проснувшись ночью и увидѣвши, что его ребенокъ раскрылся, его снова прикроетъ“. Въ другой разъ Пророкъ сказалъ: „Если кто хочетъ сдѣлать богоугодное дѣло, пусть онъ пойдетъ на базаръ и купитъ игрушку ребенку“.

„Итакъ вы видите, что и нашъ законъ и вашъ законъ велитъ дѣлать одно и тоже: добро дѣтямъ. Такъ давайте каждый изъ насъ, помня свой законъ, дѣлать вмѣстѣ одно общее дѣло, давайте вмѣстѣ дѣлать добро дѣтямъ и вмѣстѣ праздновать сегодняшній день. Вотъ зачѣмъ я васъ собралъ.

Затѣмъ стали раздавать сласти, а самъ я началъ съ дерева доставать игрушки и раздавать ихъ. Начались оживленные разговоры, пошли шутки, смѣхъ, хлопали

хлопушки, надѣвались другъ другу на головы пестрые колпаки. Отъ большого скопленія народа въ воздухѣ стоялъ туманъ, но въ этой духотѣ носилось что-то свѣтлое, хорошее, что-то объединяющее всѣхъ присутствовавшихъ, сливающее въ одну семью.

Догорѣла елка, но кто знаетъ, догорѣли-ли огоньки, отражавшіеся въ дѣтскихъ глазкахъ, и не породила-ли блиставшая огнями елка въ маленькихъ головкахъ понятія о чемъ то хорошемъ, веселомъ, свѣтломъ, чему одинаково причастны начальство и народъ, мусульмане и христіане...

Да, такими огоньками зарождается „примиреніе христіанства съ исламомъ“.

Долго и много говорили въ народѣ о моей елкѣ и долго дѣти при всякомъ удобномъ случаѣ спрашивали родителей: „А скоро-ли у пристава снова будетъ елка?“

Долго пришлось ждать, пока, наконецъ, мнѣ представилась возможность примѣнить на практикѣ 4-й пунктъ моей предварительной программы: подобравъ извѣстныя изрѣченія изъ Корана, стараться требованія правительства основывать, насколько окажется возможнымъ, на требованіяхъ Корана или Шаріата, чѣмъ дать почувствовать народу, что хотя онъ и не имѣетъ туземныхъ управителей, управители его знаютъ законъ и дорожатъ тѣмъ, чтобы жители были хорошими людьми по своему закону.

Хотя вторую часть этого пункта мнѣ на практикѣ уже приходилось примѣнять, тѣмъ не менѣе только теперь представился мнѣ случай провести въ жизнь первое требованіе этого пункта.

Дѣло обстояло слѣдующимъ образомъ:

Послѣ возстанія, поднятаго Минтюбинскимъ ишаномъ, власти стали недовѣрчиво относиться ко всѣмъ ишанамъ, въ каждомъ изъ нихъ видя подстрѣкателя возстанія. Поэтому мною было получено предписаніе отъ Уѣзднаго начальника, въ которомъ согласно приказанію военнаго губернатора мнѣ предписывалось наблюдать за ишанами своего участка, составить имъ списокъ съ графами и помѣтками о числѣ мюридовъ (приверженцевъ) ихъ, о ихъ вліяніи на народъ и постараться пресѣчь это вліяніе.

Всѣ ишаны моего участка были мною вызваны въ селеніе Дагбитъ, гдѣ въ тотъ день былъ базаръ.

Высокая каменная терасса была убрана по праздничному, устлана коврами, на которой былъ поставленъ длинный столъ. На высокихъ шестахъ была прикрѣплена крыша изъ яркихъ вышитыхъ полотнищъ. За столомъ размѣстились казіи, волостные и сельскіе старшины въ пестрыхъ шелковыхъ халатахъ, а посреди нихъ было для меня устроено мѣсто. Передъ терассой собралась пестрая толпа „тамаша ючунъ“ (для зрѣлищъ), въ нѣсколько ближе къ столу вызванные ишаны. Большинство этихъ ишановъ были люди безграмотные, но нѣкоторые изъ нихъ позировали своею ученостью. Всѣмъ имъ я задавалъ по нѣсколько вопросовъ, заранѣе намѣченныхъ мною, и всѣ они „экзамена не выдерживали и всенародно должны были сознаться, что „наукою“ не занимаются, а обрабатываютъ свой участокъ. Но вотъ появляется на терассу высокій старикъ, а стоящій рядомъ со мною переводчикъ шепчетъ мнѣ „это самый ученый изъ нихъ“,

— Радъ познакомиться съ мудрымъ уважаемымъ человѣкомъ. Гдѣ учился“.

— Въ Бухарѣ.

— Сколько времени.

— Десять лѣтъ.

— Надѣясь, что ты не откажешь подѣлиться со мною и объяснить мнѣ нѣкоторые вопросы.

Онъ кланяется.

— „Скажи мнѣ откуда произошелъ источникъ „Земъ-земъ?“

— Это чудо пророка, говоритъ онъ твердо.

— Зачѣмъ же ты мнѣ врешь? удивляюсь я, источникъ Земъ-земъ данъ Богомъ для того, чтобы сохранить родоначальника арабскаго племени въ то время, когда Агарь бродила въ пустынѣ съ сыномъ своимъ Измаиломъ и когда мальчикъ умиралъ отъ жажды.

— Это вѣрно, я сказалъ по ошибкѣ.

Я обращаюсь къ казію: „Казій, вѣрно я говорю?

— Вѣрно, слышится отвѣтъ съ конца стола, и казій, желая блеснуть, приводитъ цитату по арабски.

— Такъ вотъ видишь, я тебя спрашиваю, а ты говоришь неправду. Ты говорилъ, что земъ-земъ чудо пророка, значитъ Пророкъ дѣлалъ чудеса?

— Да.

— Зачѣмъ же ты мнѣ опять врешь? А помнишь что сказалъ Пророкъ Курейшитамъ, когда они его просили сдѣлать чудо въ знакъ своего посланничества? Онъ имъ сказалъ: Я присланъ проповѣдывать, а не дѣлать чудесъ. Можетъ быть я не такъ сказалъ? обращаюсь я ко всѣмъ сидящимъ за столомъ.

— Совершенно вѣрно, отвѣчаютъ многіе.

— Это я сказалъ по ошибкѣ, говоритъ ишамъ.

— Какъ же это такъ? Я тебя спрашиваю, хочу узнать, а ты мнѣ все врешь? А знаешь, что сказано въ Китабулла? (Коранъ): Есть-ли кто нечестивѣе того, кто выдумываетъ ложь о Богѣ, чтобы вводить въ заблужденіе незнающихъ?

Воцарилось глубокое молчаніе. Ишанъ опустилъ глаза.

— Не я, а Коранъ тебѣ воспрещаетъ учить и выставлять свою ученость. Знай это! Знайте это: обращаюсь я ко всѣмъ.

Всѣ нѣкоторое время хранятъ молчаніе. Остальные ишаны были уже совсѣмъ безграмотные люди, прямо заявлявшіе, что ничего не знаютъ.

Не стану повторять, почему я для такихъ случаевъ избиралъ базарные дни, скажу только, что въ народѣ стали говорить, что я болѣе ученъ чѣмъ казій, имамы и ишаны, и всѣ стали ко мнѣ приходить въ затруднительныхъ случаяхъ, прося меня ихъ разсудить по закону. И я ихъ судилъ по Шаріату, по которому мнѣ, поэтому, всегда приходилось подготовляться къ даннымъ вопросамъ, передъ моимъ судебнымъ засѣданіемъ. Но такъ какъ я не имѣлъ времени заниматься лишь судебными разбирательствами, то, въ большинствѣ случаевъ, я ихъ отсылалъ къ казію, котораго просилъ мнѣ прислать рѣшеніе по данному дѣлу, и это рѣшеніе я провѣрялъ по Шаріату. Казіи, зная, что мнѣ Шаріатъ знакомъ, всегда мнѣ присылали добросовѣстныя рѣшенія.

Около селенія Ч..... поселился русскій помѣщикъ, хорошо знавшій сартовъ и прекрасно съ ними ладившій. Для увеличенія своего помѣстья онъ прикупилъ нѣсколько

десятинъ земли, на которыхъ оказалась могила, уважаемаго населеніемъ, святого хазрета Юсуфа. Могила эта была совершенно заброшена и разрушена. Онъ ее приказалъ расчистить, я ему послалъ нѣсколько рабочихъ и въ С..... купилъ хвостъ яка *) въ оправѣ, который и былъ привѣшенъ къ длинному шесту на могилѣ. Объ этомъ заговорили. Тогда я пожертвовалъ имаму рубль для покупки свѣчей, зажигаемыхъ во время молитвъ.

Черезъ нѣсколько времени помѣщикъ этотъ праздновалъ сборъ перваго посѣва и устроилъ „палау“ для своихъ рабочихъ. Но какой то вновь пришедшій сталъ говорить, что грѣхъ ѣсть ѣду невѣрнаго, и рабочіе одинъ за другимъ отказались ѣсть. Помѣщикъ, страшно обиженный, прибѣгаетъ ко мнѣ и спрашиваетъ, какъ ему поступить. Я велѣлъ собрать рабочихъ. Виновникъ убѣгаетъ. Собравъ рабочихъ я имъ объясняю, что по Шаріату животное должно быть убито съ пролитіемъ крови и съ призываніемъ Бога, и, что если русскій рабочій сначала ударитъ барана обухомъ, то это для того, чтобы баранъ не мучился, такъ какъ по Шаріату полагается убивать животное наименѣе мучительнымъ образомъ, но, что сейчасъ же онъ перерѣзалъ горло. Затѣмъ я имъ объяснилъ, что каждый русскій передъ началомъ каждаго дѣла говоритъ: Господи благослови, что значитъ—Бисмилляхи рахмани рахимъ,—и что, поэтому, они могутъ ѣсть предлагаемый палау. Но оскорблять хозяина, отказываясь отъ его пищи, они не имѣютъ права.

Видя, что они уже сдались, я продолжаю: „Вы думаете, вы одни угодны Богу. Нѣтъ, Богу угоденъ тотъ, кто живетъ по его закону, кто чтитъ Его святыхъ и ихъ могилы. Поэтому весь кишлакъ и вымеръ здѣсь **), что вы позабыли и забросили могилу вашего святого...“ Видя, что нервы ихъ уже натянуты, я встаю и говорю нѣсколько пониженнымъ голосомъ: „Не передавайте дальше, что я вамъ скажу, сегодня ночью я видѣлъ сонъ: приходитъ ко мнѣ высокій старикъ въ чалмѣ съ бѣлой бородой и говоритъ: „Мени танымадингъ ми?“ (Узнаешь ты меня?)“.

Я говорю: „Іокъ таксыръ“ (нѣтъ, господинъ).

„Мэнъ Хазретъ Юсуфъ Шахидъ“. (Я Хазретъ Юсуфъ. Свидѣтель).

Не успѣлъ я это высказать, какъ всѣ они, сколько ихъ тутъ было, форменно завыли, закрывъ лица руками и покачиваясь изъ стороны въ сторону.

Давъ имъ время успокоиться... Я имъ сказалъ: „Идите, ѣшьте и не кусайте, какъ злыя собаки руку дающаго отъ сердца“.

Излишне будетъ упоминать, что всѣ они тутъ же пошли просить прощеніе за нанесенное оскорбленіе и всѣ принялись за ѣду.

Съ тѣхъ поръ по всему участку разнеслось, что я подъ покровительствомъ Хазрета Юсуфа.

Этимъ примѣромъ я закончу перечень пріемовъ, какъ онъ мнѣ представляется, для пріобрѣтенія довѣрія инородцевъ. Само собою разумѣется, что въ живомъ дѣлѣ не можетъ быть мертвящей рутины, и что до безконечности разнообразны пріемы и случаи, представляющіеся администратору-воспитателю, задавшемуся мыслью выполнить возложенную на него высокую задачу—вести ввѣренный ему народъ по пути культуры, вырабатывая изъ имѣющагося матеріала болѣе совершенныя формы жизни.

Со вступленіемъ на эту спеціальную почву потребуются и спеціальныя соображенія, основанныя на данныхъ каждой данной страны. Но во всякомъ случаѣ придется

---

*) Это считается на Востокѣ священнымъ украшеніемъ на могилѣ святыхъ.

**) Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ этой мѣстности было повѣтріе, унесшее цѣлые кишлаки.

прибѣгнуть къ „мѣстному праву“, которое и явится точкой отправленія дальнѣйшаго поступательнаго движенія и которымъ поэтому игнорировать безусловно нельзя.

Неопровержимая біологическая истина гласитъ: клѣтчатка отпадаетъ лишь когда она мертва и замѣнена уже новой; а порядокъ эволюціи таковъ, что старое, совершая оборотъ вокругъ себя, становится новымъ, обновляясь изнутри и стряхивая отжившее.

Сбрасывать старое, не озаботившись сначала прочно подвести подъ него, замѣнить его новымъ, является такимъ образомъ біологическимъ абсурдомъ.

Истины эти всецѣло могутъ быть перенесены на почву администраціи и утвержденіе противнаго грѣшитъ противъ законовъ природы.

ЭПИЛОГЪ.

Отъ военнаго губернатора по уѣздамъ С..... области былъ въ 1899 году разосланъ приказъ: Представить соображенія о переустройствѣ духовнаго быта мусульманъ.

— Вы единственный, который въ нашемъ уѣздѣ занимались этимъ вопросомъ, говоритъ мнѣ начальникъ уѣзда, вполнѣ признавшій мой взглядъ на вещи, напишите краткую записку объ этомъ.

Я представилъ записку въ духѣ настоящей.

Черезъ нѣсколько времени прихожу къ уѣздному начальнику и онъ мнѣ говоритъ:

— Я показывалъ вашу записку военному губернатору, онъ прочелъ и сказалъ:

— Я не думалъ, что Терменъ такой ретроградъ. Намъ нужно игнорировать Шаріатъ, а не подымать его значеніе. Надо, чтобы они его забыли и могли управляться одними нашими законами.

. . . . . .

Я поклонился и ушелъ.

А. І. Терменъ.

Типографія Л. Саперъ, Петроградъ, Владимирскій пр., 7. Тел. № 83-16 и 456-57.

2007041731